

РЫНОК И СНАБЖЕНИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРИОД ОКОНЧАНИЯ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Аннотация.

Актуальность и цели. В последнее время авторы активно изучают процессы трансформации культуры крестьянской среды под воздействием политических, экономических, религиозных и прочих факторов. В теоретическом переосмыслении нуждаются самые разные аспекты деятельности советского государства, особенно внутренняя экономическая политика, когда преобразования в сельской жизни 1930-х гг. привели к тяжелым социально-экономическим последствиям для всего населения страны. Цель работы – проанализировать специфику государственного снабжения сельского населения Саратовского Поволжья в период окончания первой пятилетки.

Материалы и методы. Осуществление поставленной задачи было достигнуто за счет использования данных государственного архива новейшей истории Саратовской области. Особый интерес представляли документы советско-торгового отдела, письма, доклады, стенограммы совещаний работников кооперации и председателей колхозов. Методологический потенциал включает системно-исторический подход, применение которого позволяет рассмотреть отдельные явления в их единстве со средой; сравнительно-исторический метод, который дает возможность сопоставить государственную и нелегальную торговлю.

Результаты. Исследовано материальное и социально-бытовое обеспечение сельского населения, раскрывается повседневная специфика удовлетворения потребительского спроса колхозников. Отмечены особенности существования рыночных отношений в условиях плановой экономики, сыгравшие важную роль в самоснабжении населения в 1930-х гг.

Выводы. Анализ механизмов государственного снабжения позволяет сделать вывод, что товарный дефицит, низкое качество предлагаемой государственной продукции, постоянный высокий потребительский спрос становились главными причинами развития черного рынка и спекуляции. В условиях изъятия произведенной сельхозпродукции у колхозов либо продажи ее государству по специально установленным низким заготовительным ценам колхозник лишался материальной заинтересованности и стимула к качественному труду.

Ключевые слова: рынок, снабжение, сельское население, пятилетка, колхоз, коллективизация, торговля.

V. A. Kotel'nikov

THE MARKET AND SUPPLY OF THE RURAL POPULATION OF SARATOV REGION AT THE END OF THE FIRST FIVE-YEAR PLAN

Abstract.

Background. Recently, the authors have actively studied the processes of transformation of the peasant culture of the environment under the influence of political,

economic, religious, and other factors. A variety of aspects of the Soviet state require theoretical rethinking, especially the domestic economic policy, when the transformations in the rural life of the 1930s led to severe socio-economic consequences for the entire population of the country. The aim of this work is to analyze the state of supply of the rural population of Saratov region during the period of the first five-year plan.

Materials and methods. The implementation of the task was achieved through the use of data, the state archive of the contemporary history of Saratov region. Of particular interest were documents of the Soviet Trading Department, letters, reports, verbatims of meetings of employees of the societies and the chairmen of collective farms.

Results. The author has studied the material and social security of the rural population, revealed the everyday specifics of meeting the demand of farmers, as well as noted the peculiarities of market relations in a planned economy that played an important role in the self-supply of the population in the 1930s.

Conclusions. The analysis of the mechanisms of public supply allows to conclude that trade deficit, low quality of products, constant consumer demand became the main reasons for the development of a black market and speculation. In terms of exemption of agricultural products from collective farms, or selling it to the state at specially installed low procurement prices, the farmers were deprived of material incentives and motivation for quality work.

Keywords: market, supply, rural population, five-year plan, collective farm, collectivization, trade.

В советской историографии вопрос коллективизации и уровня жизни населения, удовлетворения потребительского спроса в СССР 1920–1930-х гг. оценивался исключительно положительно. Правительством предусматривалось, что сельское хозяйство будет увеличиваться в достаточно существенных масштабах путем механизации, объединения материальных средств, расширения посевных площадей; реальная зарплата вырастет на 71 %, а доходы крестьян в свою очередь – на 67 % [1, с. 174]. Этап к повышению низкой производительности аграрного сектора лежал через создание крупных хозяйств и объединение материальных средств. Однако реформа по созданию коллективных хозяйств не привела к повышению урожайности, а перевыполнение планов достигалось административным отъемом зерна у крестьян.

На январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 1933 г. было объявлено об успешном и досрочном выполнении первой пятилетки: подводя ее итоги, Сталин сообщил, что тяжелая индустрия выполнила план на 108 %. При этом потребительский рынок оказался сферой, на которую значительно всего повлияла коллективизация и форсированное развитие тяжелой промышленности. Доля частной торговли в розничном товарообороте страны сократилась в 1930 г. до 5,6 %, а уже в 1931 г. частная торговля была запрещена [2, с. 99].

В условиях ликвидации рынка государство обладало монопольным правом устанавливать цены на промышленные товары. «У нас нет на рынке, – говорил И. В. Сталин в 1929 г., – свободной игры цен, как это бывает обычно в капиталистических странах. Мы определяем цены на хлеб в основном. Мы определяем цены на промтовары. Мы стараемся проводить политику снижения себестоимости продукции и снижения цен на промтовары, стремясь сохранить стабильность цен на продукты сельского хозяйства. Разве не ясно, что таких особых и специфических порядков на рынке не бывает в капитали-

стических странах» [3, с. 43, 44]. Однако, по мнению Е. А. Осокиной, «чис-тых» экономик не бывает: государственное регулирование, в том числе администрирование, и рынок присутствуют в любой экономике, меняется лишь их соотношение [2, с. 37].

К началу 1930-х гг. в СССР главной статьей дохода был импорт зерна, а поскольку государству требовался дешевый хлеб, колхозы становились удобным рычагом экспроприации необходимого ресурса. В связи с новым экономическим курсом количество сданного государству продукта опиралось на завышенные директивы, которые не соответствовали экономическому потенциалу, крестьянин терял возможность самостоятельно корректировать распределение сельхозпродукции для продажи и собственных потребностей. На практике почти весь хлеб, произведенный крестьянами, изымался в счет хлебозаготовок.

А. А. Герман в своей монографии подчеркивает: «Массовое создание колхозов не решило главной проблемы сельского хозяйства, урожайность продолжала зависеть от капризов природы» [4, с. 273]. Чем больше сдавали хлеб, тем больше хозяйства становились убыточными. Низовой политический аппарат был готов любыми способами добиться выполнения поставленных задач, для которых директивы были важнее реального положения дел в аграрном секторе. Колхоз должен был сдавать государству определенное количество зерна и другой продукции, а зернопоставки составляли большую часть урожая, чем продали бы крестьяне до коллективизации.

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 января 1933 г. об обязательных поставках зерна недвусмысленно и в категорической форме запрещалось местным органам власти и заготовительным органам «допускать встречные планы». «Все излишки хлеба после выполнения обязательств сдачи государству зерна, – подчеркивалось в постановлении, – остаются в полном распоряжении самих колхозов, колхозников и единоличников» [5, с. 54, 55]. Постановление стало прямым следствием массового голода, свирепствовавшего в СССР в 1932–1933 гг. и ставшего следствием практически полного отъема продовольствия у крестьян. С целью быстрее преодоления голода были введены еще и хлебозакупки.

Колхозники и единоличники неохотно участвовали и в хлебозакупках, которые осуществлялись государством параллельно с налогом на произведенную продукцию, поскольку цены на зерно устанавливались ниже рыночных. Среднегодовой доход колхозника Саратовского Поволжья, включая и АССР немцев Поволжья, составлял 90–150 руб. [6, с. 20–25]. Для сравнения: пиджак в те годы можно было купить за 100–120 руб. Отсутствие материальной заинтересованности порождало практику формального отношения к колхозному труду. Это в большинстве своем понимали и председатели колхозов, которые ничего не могли сделать с таким явлением, заражать общей, коллективной идеей было сложно. Новая жизнь не давала прямого стимула для хозяйственной инициативы. В отличие от рабочего, получающего карточки, для колхозника главным источником снабжения были колхозные фонды. За сданную государству продукцию крестьяне получали деньги и квитанции на право купить товары и продукты. Поступление товаров из государственных фондов зависело от выполнения плана заготовок, а не от численности населения района [2, с. 134].

Колхозников привлекали, как отмечалось в документации советско-торгового отдела, «красивым товаром» (самоваром, лампой, блюдом), чтобы крестьянин сам пришел с хлебом. Поставки в сельпо всего необходимого организовывали в третьем квартале, стимулируя колхозника сдавать произведенный продукт после уборочной кампании. Однако цены в сельпо¹ были явно завышенными, что хорошо видно из табл. 1. Для сравнения: по хлебозакупкам крестьянину в среднем платили за 1 центнер зерна 50 руб.

Таблица 1

Средние цены на товары в сельпо по Саратовскому Поволжью
на 1933–1934 гг. (в руб.) [7, с. 22–40]

Товары	Лес (доска) 1 м ³	Велосипед	Бадейка*	Сукно (1 пог. м)	Сатин (1 пог. м)	Кровать (металл.)	Гармонь немецкая
Цены на них	120	230–250	40	45	6,15	51	153

Примечание. *Бадейка – широкогорлый низкий горшок для молока.

Плохой ассортимент и низкое качество завозимых на село промышленных изделий не отвечали спросу. Товар пролеживал на складах и полках магазинов по несколько лет. Например, на Балашовскую межрайбазу пришла партия в шесть тысяч кос (Павловского завода), но ни одной косы сельпо не смогло продать. Дело в том, что косы были сделаны из простого железа, быстро ржавели и оказались совершенно непригодны для полевой работы [8, с. 20].

Весной 1933 г., в разгар голода, власть вынуждена была перестроить систему заготовок сельскохозяйственной продукции, существенно снизив нормы ее сдачи государству. Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1933 г. устанавливало твердые погектарные нормы с посева по районам в зависимости от урожайности. Для колхозов зерновых районов норма сдачи зерна колебалась от 2 до 3,3 центнеров с гектара. С единоличных хозяйств нормы сдачи были на 5–10 % выше нормы сдачи колхозами данного района. На каждое хозяйство накладывалось обязательство, сколько точно нужно сдать колхозу и единоличным хозяйствам зерна с каждого гектара посевной площади [5, с. 172]. По сути дела, как и в марте 1921 г., тотальный голод и массовая смертность крестьян, вызванная отъемом продовольствия, вновь заставила власть заменить продразверстку продналогом.

После того как урожай был собран, в первую очередь организовывались обязательные государственные поставки. На общих собраниях партийные организации проводили целый ряд решений об отчислении в колхозный фонд необходимого количества трудовых дней. Вслед за этим с председателем заключался договор на продажу определенного количества хлеба. Затем зерно ссыпалось в семенной фонд колхоза, и лишь после выполнения всех обязательств колхоз мог распределить остатки между своими членами в зависимости от того, как они работали в течение года [9, с. 151]. Для того чтобы получить обувь, текстиль или соху, крестьянин подавал заявку.

¹ Так назывались в народе магазины сельской потребительской кооперации.

Самой популярной практикой был предварительный обход колхозников с приемом заказов. Уполномоченные выясняли, что население хочет приобрести, записывали и, когда приходил товар, выдавали его согласно предварительной заявке. Архивные материалы реконструируют безрадостную картину реального положения дел в Саратовском Поволжье. Взамен товаров крестьяне получали «бумажки», которые подлежали реализации в неопределенном будущем. А если и удавалось обменять квитанцию и заполучить заветное «изделие», то второй проблемой оставалось низкое качество промышленной продукции.

Сводки о недостатках и искривлениях в практике реализации товаров хлебозакупочного фонда (по Заволжским районам) изобилуют подобными сообщениями. Председатель колхоза «Достижение» Перелюбского района Тамараев на собрании кооператоров высказывался следующим образом: «Кровати подвозят ржавые, много заявок на велосипеды. И то эти велосипеды – одно недоразумение. Нет частей (в данном случае председатель имел в виду, что велосипеды продавали без вентилей – клапанов для накачки шин – В. К.), мы не знаем на них цены». Часто сельпо несли убытки из-за отсутствия условий транспортировки к месту назначения. Например, председатель Алексеенко из Мироновского отдела Питерского района жаловался, что доставленное стекло на 70 % оказалось битым. В большинстве сельпо дефицитными товарами оставались пилы, хомуты, косилки, заклепки [7, с. 40].

Голодные 1932–1933 гг. сопровождалась ростом преступности, основную массу представляли собой хищения и растраты «социалистической собственности». Мелкое воровство приняло огромные масштабы в сельпо, в итоге убытки, которые исчислялись миллионами, приводили к закрытию точек «отоваривания» населения.

Основной ущерб государству наносили председатели и продавцы товарных точек. Большинство из них «тащили» или продавали «из-под полы» залежавшийся товар, наживаясь на покупателях, поскольку цены на черном рынке были на порядок выше, чем в коммерческих магазинах. К растратам и хищениям приводило тяжелое материально-бытовое положение работников: проработав два-три месяца, они похищали деньги и скрывались. При отсутствии какого-либо дополнительного дохода председатель сельпо получал 80–100 руб., продавец – 50–70 руб. в месяц. Так, по Балашовскому району за 1933 г. в 31 сельпо сменилось 8 председателей правления и 16 продавцов, в Покровском сельпо за месяц сменилось 4 продавца, а в Меликовском – 3.

В таких непростых условиях больше всех страдал крестьянин, остававшийся без денег и товара. Постоянные растраты и воровство вынудили колхозников по возможности не пользоваться услугами сельпо, посылая на повозках своих людей напрямую в межрайбазу.

Несмотря на некоторые послабления крестьянам по сдаче продовольствия, сделанные государством в начале голодного 1933 г., летом того же года, несмотря на то что голод еще не был изжит, началась новая кампания по принуждению крестьян к сдаче хлеба и других продуктов государству. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 июня 1933 г. запрещалась колхозная и индивидуально-крестьянская торговля хлебом [10, с. 414]. Продавать сельхозпродукты можно было только государству и опять по заниженной цене.

Крестьяне пытались сопротивляться, старались оставить как можно больше продуктов для собственных нужд:

– «Дайте нам поесть сначала сытно, а затем, может быть, мы и государству продадим что-нибудь» (с. Романовка).

– «Что Вы агитируете, разрешите быть нам хозяевами и продать тому, кому хотим. Вспомните, как мы голодали, и теперь нас к этому подведут» (Ершовский район) [11, с. 18].

Чтобы не сорвать осенние хлебозаготовки и запретить частным торговцам нарушение «социалистического» законодательства, государство начало на них жестокую охоту. В частности, по ст. 107 УК был арестован и обвинен в спекуляции и частной торговле Андрей Андреевич Афанасьев, выпекавший хлеб в Саратове и перепродававший в его Аткарском районе по цене 1,50 руб. В государственном магазине стоимость буханки хлеба была более привлекательной – 60–80 коп., но спрос на этот хлеб среди населения был низким.

Большинство хлебных лавок находилось в антисанитарном состоянии. На государственную продукцию поступали постоянные жалобы: «Под прилавком магазина сложены загрязненные дрова. Продавцы работают в грязных халатах». Нередко из-за отсутствия муки в государственную хлебную продукцию добавлялись суррогаты, например ячменные отходы. Поэтому рабочие и сельское население нередко предпочитало переплачивать за качество хлеба почти в три раза [11, с. 19, 20].

Спекулянты пользовались проблемами снабжения и дефицита в социалистическом хозяйстве. Черный рынок предоставлял возможность купить все необходимое, в то время как люди простаивали в очередях, а магазины были полупустые.

Некоторое время определенным каналом получения дефицитных продуктов были Торгсины, которые с осени 1931 г. открыто продавали продукты населению в обмен на золото и валюту. В основном этой помощью пользовались отдельные граждане АССР немцев Поволжья, которым родственники и друзья из-за границы оказывали материальную поддержку. Так, в ряде колхозов Франкского кантона (Гуссенбах, Диттель) до 15 % населения получали переводы валюты (марки и доллары), покупая на них дефицитные продукты: муку, крупу, масло и т.д. Однако довольно скоро государство стало конфисковывать валюту у ее получателей и развязало против них настоящий террор [4, с. 328–330].

Даже в то опасное для частных торговцев время черный рынок существовал, он давал возможность выгодно реализовать излишки продуктов и приобрести необходимый качественный товар. Близость районного центра, которая давала возможность круглый год зарабатывать торговлей на базаре или частным извозом, служила стимулом развития торгово-рыночных отношений. Начальник политотдела Новоузенской МТС по этому вопросу пишет: «Колхозы Новоузенской МТС, имеют специфичность... Город Новоузенск – это бывший центр крупной хлебной и мясной торговли, он окружен рядом пригородных поселков. Людей, занимающихся сельским хозяйством, здесь было очень мало. Население этих пригородов основным источником дохода имело кустарный промысел, доходы от садов, огородов и бахчей. Зерновое хозяйство этих пригородов не являлось основным» [12, с. 28].

В силу разрастания незаконной торговли осенью 1934 г. в директиве «О борьбе за выполнение плана хлебозакупок» предусматривалась борьба со

спекулянтами, скупщиками, в том числе с единоличниками и колхозниками, продающими хлеб на рынке до выполнения ими своих обязательств перед государством. Если в этой продаже они были замечены впервые, то всем городским и районным прокурорам и нар судьям Саратовского Края предлагалось привлекать к судебной ответственности по 105 ст. УК, а за систематическую продажу судить по 107 ст. УК [13, с. 32].

Размер товарооборота на черном рынке невозможно подсчитать, однако на основе данных потребкооперации Саратовского края можно сделать вывод, что большая часть финансов шла мимо государственных магазинов. Только за 1933 г. было приобретено товаров на душу населения по городу на 118 руб., а по селу – только на 40 руб. Обеспечение повышения по линии государственного снабжения сельского населения края оставалось незначительным. Товарооборот потребкооперации не увеличился, а наоборот снизился: за 1932 г. он равнялся 133,6 млн руб., а за 1933 г. – 121,4 млн руб. [8, с. 28]. Отказываясь предоставить частнику больше прав и возможностей, государство несло колоссальные убытки от неуплаты налогов, разворовывания сырья и товаров с государственных предприятий.

Ввиду непростых экономических условий, чтобы обеспечить себя заработком, крестьяне занимались отходничеством. Постановления ЦИК и СНК СССР от 17 марта 1933 г. предусматривали льготы по сельхозналогу, по страхованию и поставкам для отходников-единоличников и колхозников, временно покидавших деревню с целью работы на основании зарегистрированного в правлении колхоза трудового договора (в случае самовольного отхода колхозник подлежал исключению из колхоза). Особенно это касалось колхозов, находящихся вблизи крупных городов. В большинстве случаев бывшие крестьяне пополняли число рабочих, в итоге страдал аграрный сектор, поскольку сокращалось трудовое население [6, с. 85].

Поскольку аграрный сектор являлся важнейшим источником финансирования гигантских строек, проводимые мероприятия в отношении сельского хозяйства были направлены исключительно на удовлетворение промышленных нужд страны. Сдавая свою продукцию государству по низким заготовительным ценам, крестьянам предлагалось приобретать товары в кооперативах по завышенной стоимости [2, с. 130]. Удовлетворить запросы колхозников на товары широкого потребления не удавалось, своевременное продвижение и качество продукции оставалось низким и не доходило до потребителя по причине массовых растрат и хищений. Однако потребность в зерне и другой сельхозпродукции росла с каждым годом, но для того чтобы увеличить производство зерна, нужно было материально стимулировать крестьян, однако это мало интересовало руководство страны. В условиях постоянного дефицита воровство, продажа продуктов, спекуляция стали играть важнейшую роль в самообеспечении населения. В итоге черный рынок паразитировал на социалистическом ведении хозяйства, приспосабливался и трансформировался в обстановке централизованного распределения благ.

Библиографический список

1. **Боффа, Д.** История Советского Союза : в 2 т. Т. 1: От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин, 1917–1941 / Д. Боффа. – Москва, 1990.
2. **Осокина, Е. А.** За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941 / Е. А. Осокина. – Москва : РОССПЭН, 1999.

3. **Сталин, И. В.** Сочинения : в 18 т. / И. В. Сталин. – Тверь, 1946–2006.
4. **Герман, А. А.** Немецкая автономия на Волге. 1918–1941 / А. А. Герман. – Москва : МСНК-пресс, 2007.
5. Голод в СССР 1929–1934 : в 3 т. Т. 3: Лето 1933–1934 гг. – Москва : МФД, 2011.
6. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 1. Д. 51.
7. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 213.
8. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 214.
9. **Фицпатрик, Ш.** Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / Ш. Фицпатрик. – Москва, 2001.
10. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы : в 5 т. Т. 3: Конец 1930–1933. – Москва : РОССПЭН, 2000.
11. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 82.
12. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 25.
13. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 55.

References

1. Boffa D. *Istoriya Sovetskogo Soyuza: v 2 t. T. 1: Ot revolyutsii do vtoroy mirovoy voyny. Lenin i Stalin, 1917–1941* [The USSR history: in 2 volumes. Vol. 1: From the revolution to WWII. Lenin and Stalin, 1917–1941]. Moscow, 1990. [In Russian]
2. Osokina E. A. *Za fasadom «stalinskogo izobiliya»: Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941* [Behind the curtain of “Stalin’s abundance”]. Moscow: ROSSPEN, 1999. [In Russian]
3. Stalin I. V. *Sochineniya: v 18 t.* [Works: in 18 volumes]. Tver, 1946–2006. [In Russian]
4. German A. A. *Nemetskaya avtonomiya na Volge. 1918–1941* [The German autonomy in Volga region. 1918–1941]. Moscow: MSNK-press, 2007. [In Russian]
5. *Golod v SSSR 1929–1934: v 3 t. T. 3: Leto 1933–1934 gg.* [Famine in the USSR in 1929–1934: in 3 volumes. Vol. 3: Summer of 1933–1934]. Moscow: MFD, 2011. [In Russian]
6. *Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Saratovskoy oblasti (GANISO)* [The State Archive of the Contemporary History of Saratov region (GANISO)]. F. 594. Op. 1. D. 51. [In Russian]
7. GANISO. F. 594. Op. 1. D. 213.
8. GANISO. F. 594. Op. 1. D. 214.
9. Fitzpatrick Sh. *Stalinskie krest'yane. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: derevnya* [Stalin’s peasants. The social history of Soviet Russia in the 1930s: the village]. Moscow, 2001. [In Russian]
10. *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy: v 5 t. T. 3: Konets 1930–1933* [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession of the kulaks. Documents and materials: in 5 volumes. Vol. 3: The late 1930–1933]. Moscow: ROSSPEN, 2000. [In Russian]
11. GANISO. F. 594. Op. 1. D. 82.
12. GANISO. F. 594. Op. 1. D. 25.
13. GANISO. F. 594. Op. 1. D. 55.

Котельников Вадим Алексеевич

аспирант, Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского
(Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83)

Kotel'nikov Vadim Alekseevich

Postgraduate student, Saratov State
University (83 Astrakhanskaya street,
Saratov, Russia)

E-mail: kotelnikov_va_94@mail.ru

Образец цитирования:

Котельников, В. А. Рынок и снабжение сельского населения Саратовского Поволжья в период окончания первой пятилетки / В. А. Котельников // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 3 (55). – С. 94–102. – DOI 10.21685/2072-3024-2020-3-9.